

СОВРЕМЕННЫЕ КОНТРАСТЫ МЕЖРЕГИОНАЛЬНОЙ МИГРАЦИИ В РОССИИ

И.И. Корель

Новосибирский государственный технический университет

Л.В. Корель

ИЭОПП СО РАН

Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект 130200319)

Аннотация

Визуализацию итогов межрегиональной борьбы за уникальный дефицитный ресурс – человеческий капитал, разворачивающейся в миграционном пространстве России, обеспечивает модель семикластерной современной миграционной структуры российских регионов, использующая 10 признанных классическими миграционными показателями. Базу данных составляют материалы Федеральной службы государственной статистики. В статье показано, что сконструированная авторами кластерная миграционная структурная композиция регионов, имея в географическом пространстве отчасти лоскутный характер, полна глубоких, устойчивых во времени миграционных контрастов и диссонансов, подтверждающих в целом пролонгирование в начале второго десятилетия XXI в. опасной миграционной тенденции предшествующих трех десятилетий: межрегиональные миграции имеют мощную центростремительную направленность, оголяя восточные и северные рубежи страны, практически не реагируя на скромные попытки выправления ситуации, предпринимаемые правительством. Показано, что миграционное пространство России «самоорганизовано» и структурировано по иерархическому принципу. Наверху находится са-

мый «благополучный» кластер (I) – полюс миграционного притяжения, мощно всасывающий население извне, на нижней ступени пребывает кластер «миграционного бедствия и катастрофы» (VII), несущий невосполнимые миграционные потери человеческих ресурсов на фоне бурлящего миграционного оборота, дестабилизирующего экономическую и социокультурную среду входящих в него регионов.

Ключевые слова: внутренняя межрегиональная миграция, кластерный анализ, показатели миграции, кластеры миграционного бедствия, концепция государственной миграционной политики, миграционные контрасты, иерархия, миграционные угрозы, человеческий капитал

Abstract

The paper proposes a way to visualize an interregional competition for a unique scarce resource, namely human capital assets, which is unfolding in the Russian migration space. It may be done within a model of a current seven-cluster structure of migration in regions of Russia which uses ten classic indicators of migration. The database comprises material from Russian Federal State Statistics Service. We show that our cluster structure of migration in regions, although slightly «patched-up» in its geography, has profound and stable migration contrasts and dissonances. They prove a dangerous migration trend of the last three decades which still generally remains in the second decade of the XXI century: migration flows are highly center-oriented; these flows leave eastern and northern frontiers of the country deserted and does not react to any modest attempts to rectify the situation made by the government. We confirm that the Russian migration space is «self-organized» and has hierarchical structure. The Cluster No. I stands on top; being a pole of attraction for migration flows, it accumulates population from the borders. The cluster of «migration catastrophe» (Cluster No. VII) is the lowest; it creates catastrophically large migration loss within human resources against the background of raging migration turnaround that destabilizes economic and sociocultural environment in the regions of the cluster.

Keywords: internal interregional migration, cluster analysis, indicators of migration, clusters of migration catastrophe, concept of state migration policy, migration contrasts, hierarchy, migration threat, human capital

В конце XX – начале XXI в. проблема закономерностей внутренней межрегиональной миграции в России оказалась на периферии на-

учных и общественных интересов. Ученые и политики сконцентрировали свое внимание на относительно новых видах миграции, носящих большей частью катастрофический характер: бегстве русскоязычного населения из стран СНГ, утечке интеллектуальной элиты за рубеж, обвальной бесконтрольной иммиграции низкоквалифицированной иностранной рабочей силы, нелегальной и криминальной международной миграции, в том числе обслуживающей секс-индустрию, детоторговлю и прочие сегменты криминального бизнеса.

Однако во второй половине первого десятилетия XXI в. и в последующие годы второго десятилетия проблемы внутренней миграции, опасной и разрушительной для государства по своему проявлению и последствиям, заставили обратить на себя внимание политиков и правительства. В 2006 г. была принята государственная программа по оказанию содействия добровольному переселению в РФ соотечественников, проживающих за рубежом [1], нацеленная также и на решение проблем компенсации сокращения общей численности населения России, купирования мощных миграционных потерь населения во многих стратегически важных российских регионах. Позднее, 14 сентября 2012 г., президент В.В. Путин подписал указ, сделавший программу бессрочной и содержащий новую ее редакцию, предусматривающую дополнительные преференции соотечественникам-переселенцам. Наконец, 13 июня 2012 г. президент утвердил Концепцию государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года [2], а Правительство РФ разработало план мероприятий по реализации этой концепции [3].

Хотя в центре Концепции государственной миграционной политики остаются проблемы внешней миграции (что подтверждается числом пунктов и количеством страниц в документе), в ней также уделено внимание проблемам внутренней межрегиональной миграции. Выражена обеспокоенность тем, что основным вектором межрегиональных внутренних миграций является поток, направленный с востока страны в ее центр, и в частности в Московский регион, что усиливает дисбаланс в распределении населения по территории Российской Федерации. Этот тезис справедлив, однако, как будет показано ниже, несколько примитивизирует сложившуюся миграционную ситуацию,

поскольку, во-первых, «полюс притяжения населения» имеет более сложную географическую конфигурацию и, во-вторых, мощное, разрушительное для территорий исхода центростремительное движение в Московский регион направлено не только с востока, но и, что важно, из центра, с юга и севера России. В разделе 24 Концепции (п. «в») очерчены основные направления государственной миграционной политики в области содействия развитию внутренней миграции российских граждан. В разделе 26 актуализируется весьма важная, хотя и очевидная, идея проведения научно-исследовательских разработок для анализа и прогноза миграционной ситуации. В разделе 27, где приводится перечень основных механизмов реализации государственной миграционной политики Российской Федерации, предусматриваются формирование приоритетных направлений государственной миграционной политики для различных типов регионов с учетом складывающейся миграционной ситуации (пункт «д»), постоянный мониторинг и анализ происходящих миграционных процессов и их влияния на социально-экономические, демографические и иные аспекты развития страны, а также последующая корректировка конкретных мер государственной миграционной политики (пункт «ж»).

Завершает документ характеристика трех этапов реализации миграционной политики, при этом на финише, по итогам реализации третьего этапа, к 2026 г. предполагается обеспечить миграционный приток населения в районы Сибири и Дальнего Востока¹. Заметим, что пространство внутренних миграций в России затрагивает интересы всех субъектов Федерации, а потому его следовало бы более детально структурировать и представить в утвержденном документе, чтобы каждый регион увидел в нем свое место и свои перспективы, способы решения миграционных проблем.

К сожалению, не обнаружено и следов научной парадигмы, объясняющей современный механизм межрегионального перераспределения населения России, хотя бы на гипотетическом уровне, на которую

¹ Это весьма расплывчатые ориентиры, поскольку, например, в последние годы в Сибири целый ряд регионов выигрывают население во внутренней миграции, а в центре России, о чем забыли упомянуть в Концепции государственной миграционной политики, многие регионы стабильно его проигрывают.

бы опиралась утвержденная концепция. Вне рамок научной парадигмы такого рода, объясняющей, как и почему именно так, а не иначе работает данный механизм, какие конкретно детерминанты и факторы лежат в его основе, иными словами, ответственны за векторы миграционного перемещения населения, весьма проблематичным представляется достижение декларируемых целей, предполагающих смену направлений этих векторов.

Остались за скобками и главные блоки механизма реализации данной концепции, в первую очередь каналы, источники ресурсов, сами ресурсы (и инвестиции), вкладываемые в экономику, образование и культуру регионов «миграционного бедствия». К сожалению, не прописаны субъекты и институты, несущие прямую ответственность за реализацию/нереализацию концепции.

Российское межрегиональное миграционное пространство представляет собой единую систему, которая включает большое число субфедеральных регионов (сегодня их 83), обменивающихся, подобно сообщающимся сосудам, населением и находящимся в постоянной конкурентной борьбе за этот ключевой, жизненно важный мобильный ресурс. Сложность многорегионального миграционного пространства России делает необходимым его структурирование [4]. Один из возможных способов структурирования – кластеризация (типологизация) на базе комплекса миграционных характеристик. Кластеризация позволяет свести все многообразие регионов к легко обозримому количеству их миграционных кластеров, выступающих носителями актуальных специфических миграционных проблем, обеспечивая визуализацию и кластеров, и проблем. Этот метод дает исследователям возможность, во-первых, диагностировать миграционные проблемы в привязке к кластерам (идет ли речь, например, об опустошающем территорию бегстве населения вовне или же о высоком миграционном вале, разрушающем до основания социокультурную среду), а во-вторых, иерархизировать по результатам борьбы за дефицитный ресурс – население – сами кластеры.

Мы прибегли к семикластерной версии структуризации миграционного пространства с достаточно широким охватом миграционных показателей (их было отобрано 10). При этом принималось во внима-

ние, что одни миграционные показатели являются производными от других. В построении данной типологии использовались, во-первых, все абсолютные показатели миграции, позволяющие судить о масштабах миграционных процессов в регионе: численность прибывших, численность выбывших, оборот миграции, абсолютное сальдо миграции. Во-вторых, применялись относительные показатели миграции, т.е. абсолютные показатели миграции, отнесенные либо к численности населения региона, либо к объему миграционного вала, либо соотношенные между собой (например, потоки прибывших и выбывших), дающие представление об интенсивности, а следовательно, значимости, существенности, результативности миграционных процессов для конкретных регионов.

Кластерная модель была построена с использованием метода k-means++ [5] – модифицированного популярного метода k-средних (k-means), в котором для разбиения регионов на заданное число кластеров минимизируются их евклидовы расстояния до главных точек (центров кластеров):

$$\min_s \sum_{i=1}^K \sum_{x_j \in S_i} |x_j - \mu_i|^2,$$

где $i = 1, 2, \dots, K$ – индексы кластеров S_i ; μ_i – центры кластеров; x_i – N -мерные векторы с миграционными параметрами регионов, N – число миграционных параметров в модели. Отличием метода k-means++ от его предшественника является эффективная инициализация начальных центров кластеров, предвещающая собственно минимизацию по k-means.

Информационной базой послужили статистические материалы Федеральной службы государственной статистики. При характеристике миграционных процессов для погашения возможных случайных отклонений брались усредненные показатели миграции за ряд лет, а именно, за 2010–2012 гг.

Распределение российских регионов по миграционным кластерам представлено в табл. 1. В целом семикластерная структурная композиция регионов имеет в географическом пространстве пестрый, лоскутный (дискретный, прерывный) характер, полна миграционных

Таблица 1

Распределение регионов России по миграционным кластерам

Кластер	Число регионов	Регионы, входящие в кластер
I – полюс миграционного притяжения, или миграционный магнит России	5	Московская обл., г. Москва, г. Санкт-Петербург, Краснодарский край, Тюменская обл.
II – успешно конкурирующий в миграционной борьбе за население	10	Ростовская обл., Ставропольский край, Республика Башкортостан, Республика Татарстан, Свердловская обл., Ханты-Мансийский АО, Челябинская обл., Алтайский край, Новосибирская обл., Красноярский край
III – удерживающий (слабо привлекающий) население в миграционном обмене	12	Воронежская обл., Ленинградская обл., Республика Дагестан, Пермский край, Нижегородская обл., Оренбургская обл., Самарская обл., Саратовская обл., Иркутская обл., Кемеровская обл., Омская обл., Приморский край
IV – кластер эквивалентного миграционного обмена	16	Владимирская обл., Ивановская обл., Калужская обл., Курская обл., Липецкая обл., Рязанская обл., Смоленская обл., Тамбовская обл., Ярославская обл., Вологодская обл., Калининградская обл., Новгородская обл., Астраханская обл., Ульяновская обл., Курганская обл., Амурская обл.
V – проигрывающий население: пик неэквивалентности объемов встречных миграционных потоков (прибывших и выбывших) на фоне сдержанного (среднего по интенсивности) вала миграции	10	Костромская обл., Орловская обл., Республика Карелия, Псковская обл., Республика Северная Осетия – Алания, Чеченская Республика, Республика Марий Эл, Республика Мордовия, Республика Хакасия, Сахалинская обл.
VI – кластер миграционного катаклизма, несущий масштабные абсолютные миграционные потери на фоне высокой интенсивности миграционного вала	18	Белгородская обл., Брянская обл., Тверская обл., Тульская обл., Республика Коми, Архангельская обл., Мурманская обл., Волгоградская обл., Удмуртская Республика, Чувашская Республика, Кировская обл., Пензенская обл., Ямало-Ненецкий АО, Республика Бурятия, Забайкальский край, Томская обл., Республика Саха (Якутия), Хабаровский край

Кластер	Число регионов	Регионы, входящие в кластер
VII – полюс миграционного бедствия и катастрофы (максимальные величины коэффициентов миграционного оборота и отрицательного сальдо миграции)	12	Ненецкий АО, Республика Адыгея, Республика Калмыкия, Республика Ингушетия, Кабардино-Балкарская Республика, Карачаево-Черкесская Республика, Республика Алтай, Республика Тыва, Камчатский край, Магаданская обл., Еврейская авт. обл., Чукотский АО

контрастов и диссонансов (ближайшие территориальные соседи могут демонстрировать альтернативные профили миграции и проч.). И все же ее конфигурация в известном смысле исполнена внутренней гармонии и симметрии: имеются центр – кластер эквивалентных межрегиональных обменов и два крыла – левое (его образуют три неблагоприятных в миграционном отношении кластера) и правое (объединяет три благополучных кластера). Однако если мы обратимся к наполняемости кластеров конкретными регионами, то увидим, что почти половина регионов (40) попадают все же в неблагоприятные кластеры (левое крыло) и только одна треть (27) – в благополучные (правое крыло).

При всей относительности понятий «благополучный кластер» и «неблагополучный кластер» в своих содержательных оценках и интерпретациях мы исходили из современного российского контекста (низкий естественный прирост населения и проч.), в котором в общем случае миграционный прирост населения (его отражают в первую очередь сальдовые показатели миграции) есть явление положительное: регионы, притягивающие население, находятся в выигрышной ситуации во многих отношениях, а потому прямо заинтересованы в приросте этого дефицитного экономического ресурса. Другое дело – валовые показатели миграции, отражающие уровень территориальной мобильности населения. Высокая территориальная мобильность, отражая свободу передвижения (последнюю в истории из свобод, завоеванную просвещенным человечеством вслед за свободой слова и совести), не обладает универсальной во времени и пространстве са-

моцностью. В общем случае она действительно выступает залогом экономических успехов государства, обусловленных становлением и развитием рынка². Однако в исторической практике, напротив, нередко имеет вынужденный и «патологический» характер: сопутствует войнам, экономическим спадам, кризисам и катастрофам, экологическим и природным бедствиям, выступая их маркером. Мы придерживаемся точки зрения, что в современной России низкая территориальная мобильность населения не является тормозом развития экономики страны, как это представлено в Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года, а напротив, она избыточна и деструктивна, поскольку оказывается результатом опасной экономической разбалансировки и устрашающих межрегиональных неравенств, побуждающих население депрессивных регионов к бегству в разные края и стороны, к перманентным возвратным, челночным движениям в места исхода в связи с трудностями обустройства на новых местах, и массово превращает людей в «вечных отходников», бездомных нищих бродяг.

Миграционные показатели, характеризующие выделенные семь кластеров, приведены в табл. 2.

1 кластер – полюс миграционного притяжения, или миграционный магнит России, объединил самые привлекательные для населения страны регионы. Коэффициент миграционного прироста имеет здесь «астрономические» на фоне других кластеров значения (93 на 10 тыс. чел. населения) при средней интенсивности миграционного вала (47%). Полюс этот географически рассредоточен в разных частях страны и представлен, во-первых, городами Санкт-Петербургом, Москвой и ближайшим территориальным окружением последней – Московской областью. Во-вторых – Тюменской областью³, куда с начала нефтедобычи ехали на заработки в прошлом веке и едут в нынешнем люди со всех концов России и из стран СНГ. И наконец, в-третьих – Краснодарским краем, который всю вторую половину

² Известен экономический закон о росте миграционной подвижности населения с развитием рыночных отношений.

³ Включая Ямало-Ненецкий и Ханты-Мансийский автономные округа (входят в состав Тюменской области, оставаясь равноправными субъектами Федерации).

Таблица 2

Миграционные показатели центров кластеров

Миграционные показатели	Кластеры (классы регионов)						
	I	II	III	IV	V	VI	VII
<i>Абсолютные значения миграционных показателей центров кластеров за 2010–2012 гг.</i>							
1. Численность прибывших, чел.	476000	236000	154000	67600	46300	89500	23000
2. Численность убывших, чел.	297000	223000	153000	67300	51900	98000	26400
3. Оборот миграции, чел.	771000	460000	307000	135000	98200	188000	49400
4. Абс. сальдо миграции, чел.	180000	12800	502	316	–5530	–8500	–3400
<i>Относительные значения миграционных показателей центров кластеров</i>							
5. Коэф. прибытия, на 1000 чел. нас.	28,3	26,2	21,4	21,7	22,4	26,0	30,4
6. Коэф. убытия, на 1000 чел. нас.	19,0	24,7	21,1	21,7	25,0	28,7	34,4
7. Коэф. миграционного оборота, на 1000 чел. нас.	47,2	50,9	42,5	43,3	47,4	54,6	64,9
8. Относит. сальдо миграции – коэф. миграционного прироста/убыли, на 10 тыс. чел. нас.	93,1	15,3	3,0	0,0	–25,0	–27,0	–40,0
9. Результативность миграции – численность прибывших, на 1000 убывших	1670	1070	1020	1020	891	919	911
10. Эффективность миграции – уд. вес миграционного прироста/убыли в миграционном обороте населения, на 1000 мигрантов	238	31	2	5	–60	–48	–61

XX в. и первое десятилетие XXI в. постоянно был миграционным магнитом для российского населения, не избалованного теплом, фруктами и солнцем. Федеральные инвестиции в инфраструктуру края, которые в последние годы достигли крупномасштабных размеров в связи с Олимпиадой в г. Сочи, лишь укрепили стандарт (имидж) его уникальной привлекательности.

II кластер успешно конкурирует в миграционной борьбе за население с другими регионами. Относительное сальдо миграции здесь положительное и составляет 15,3 на 10 тыс. чел. населения при весьма высокой интенсивности миграционного оборота – 50,9‰ (это третья позиция среди всех семи кластеров). Коэффициент прибытия (26,2‰) незначительно превышает коэффициент убытия (24,7‰), навевая мысль о неустойчивости сложившихся миграционных трендов. Численность прибывших на 1000 выбывших составляет 1070 чел., а эффективность миграции, исчисляемая как прирост/убыль на 1000 мигрантов, составляет 31%. Это в 8 раз меньше, чем в I кластере. Однако других соперников у II кластера среди выделенных кластеров нет (ближайший его конкурент по эффективности миграции – IV кластер имеет значение, в 6 раз меньшее). Как видим, II кластер, с одной стороны, привлекателен для жителей других регионов страны, с другой – либо не способен в значительных масштабах закрепить прибывающих, которые вскоре же убывают, либо имеет мощные негативные факторы среды, выталкивающие «собственное» постоянное население за пределы своей территории. Не исключено, что имеют место оба процесса. И все же данный кластер имеет в целом весьма позитивный миграционный профиль и представляет собой своего рода несущую конструкцию в российской системе расселения населения, обеспечивая ее относительную устойчивость, надежность, поскольку входящие в него регионы удерживают население в пределах своих географических границ.

Административно-географически II кластер представлен 10 регионами (см. табл. 1). Примечательно, что из восьми федеральных округов центры четырех – Южного, Северо-Кавказского, Уральского и Сибирского расположены именно в этом кластере. Важно также отметить, что в данном кластере шесть регионов имеют своими административными центрами города-миллионники, – это Ростов-на-Дону, Уфа, Казань, Екатеринбург, Челябинск, Новосибирск, Красноярск. Статус города-миллионника де-факто позволяет им принимать участие в большом количестве федеральных программ и проектов, что дает ощутимые экономические, политические, коммуника-

ционные, социокультурные и прочие предпочтения. Города-миллионники в России исторически являются местами сосредоточения и притяжения человеческих, трудовых, промышленных, культурных, экономических ресурсов и центрами социально-экономического развития как для своего региона, так и обычно сразу для нескольких окружающих регионов, а некоторые из них (Москва и расположенные относительно близко к государственным границам Новосибирск, Ростов-на-Дону и др.) – также для ряда стран СНГ и Азии. Значимость городов-миллионников в этом качестве зависит не только от числа жителей, но и от других социально-экономических факторов, важнейшими из которых являются уровень доходов населения, состояние рынков труда (трудоустройство) и жилья (масштабы жилищного строительства), накопленный экономический и культурный потенциал, а также специфика соседних регионов, для которых города-миллионники являются транспортными узлами, центрами высшего образования, торговли, логистики, культуры, коммуникаций и проч.

III кластер, удерживающий (слабо привлекающий) население в миграционном обмене, объединил 12 регионов страны (см. табл. 1). Его миграционные характеристики таковы: коэффициенты прибытия и выбытия составляют 21,4 и 2,1% соответственно, миграционного оборота – 42,5%, результативности – 1020 прибывших на тысячу убывших, эффективности миграции – 2%, относительное сальдо миграции – 3 чел. на 10 тыс. чел. населения. Весьма представительны в данном кластере число городов-миллионников, – это Воронеж, Пермь, Нижний Новгород, Самара, Омск, а Саратов является субмиллионником. Однако и по уровню «столичности» (наличие одного центра федерального округа против четырех во II кластере), и по доле городов-миллионников (пять на 12 регионов против семи на 10 регионов во II кластере) он заметно уступает более «мощному» в географо-административном и экономическом отношении II кластеру.

IV кластер – «самодостаточный», или кластер эквивалентного миграционного обмена с другими регионами, т.е. в миграционном обмене отдает столько человек, сколько и получает. Относительное сальдо миграции здесь столь незначительно, что характеризуется ну-

левым значением (см. табл. 2). Численность прибывших на 1000 убывших составляет 1020 чел., а из каждой тысячи мигрантов, образующих своеобразный миграционный вал (сумма прибывших и выбывших), оседает в кластере только 5 чел. Интенсивность же миграционного оборота (43,3 на 1000 чел. населения) одна из самых низких среди всех кластеров (еще ниже, причем незначительно, она лишь в III кластере – 42,5 на 1000 чел. населения).

Кластер объединил 16 регионов (см. табл. 1), имеющих схожий миграционный профиль. Одиннадцать из них исторически образуют центрально-европейское ядро страны, находящееся в зоне непосредственного притяжения двух крупнейших городов мультимиллионников – Москвы и Санкт-Петербурга. Фактом своего преимущественного географического расположения эти 11 регионов, с одной стороны, притягивают к себе население, увлекаемое центростремительными силами из географически удаленных от центра страны субъектов Федерации, а с другой стороны, они сами обречены нести существенные миграционные потери, будучи не в состоянии противостоять притягательной мощи крупнейших агломераций – Московской (18 млн чел.) и Санкт-Петербургской (6 млн чел.). Не исключено, что упомянутые 11 регионов данного кластера выступают своеобразной перевалочной базой, промежуточным этапом на пути мигрантов, следующих из отдаленных регионов страны в ее столицы. Как следствие – равенство объемов (и интенсивности) встречных миграционных потоков: 21,7% составляют коэффициенты и выбытия, и прибытия.

У кластер проигрывает население в конкурентной борьбе, на него приходится пик неэквивалентности объемов встречных миграционных потоков (прибывших и выбывших) на фоне сдержанного (среднего по интенсивности) вала миграции. По своим миграционным параметрам этот кластер близок к VI и VII кластерам, а кроме того, к I и II кластерам. К VII кластеру он близок, во-первых, по эффективности миграции, фиксирующей «сухой остаток» миграционного оборота, т.е. двух встречных миграционных потоков в регион и из региона, в расчете на 1000 мигрантов (этот показатель составляет –60 чел. для V кластера, –61 чел. – для VII) и, во-вторых, по результативности миграции, т.е. по численности прибывших на 1000 выбывших. Соотноше-

ние показателей сравниваемых кластеров здесь такое: 890 чел. в V кластере против 910 чел. в VII. В свою очередь, он идентичен VI кластеру по показателю «относительное сальдо миграции» (–25 на 10 тыс. чел. населения против –27 в VI кластере), а по коэффициентам выбытия и прибытия – VI и II кластерам (см. табл. 2). Одновременно у этого кластера худший показатель результативности миграции – неэквивалентности миграционного обмена, поскольку на 1000 выбывших прибывает лишь 890 чел. (ближайший по этому показателю VII кластер имеет чуть лучший результат – 910 чел.). В то же время его относительное миграционное сальдо много лучше, чем у VII кластера, а коэффициент миграционного оборота аналогичен этому показателю у I кластера, причем по нему данный кластер занимает срединное положение среди всех семи кластеров (47%). По «градусу бурления» миграционного вала, т.е. по абсолютным и относительным миграционным потерям, он выглядит «приличнее» (его коэффициент оборота заметно ниже) не только VI и VII кластеров, но и весьма благополучного, привлекающего население II кластера. Иными словами, V кластер имеет все же свой яркий миграционный образ, выделяющий его среди других кластеров, теряющих население. В данный кластер вошли 10 регионов (см. табл. 1), в том числе Костромская, Орловская, Псковская области и Республика Карелия, находящиеся в зоне прямого воздействия со стороны Московской и Санкт-Петербургской агломераций. В этом кластере нет городов-миллионников, нет центров федеральных округов. В то же время четыре субъекта Федерации являются окраинными и граничат с другими государствами.

VI кластер, охарактеризованный как кластер миграционного катаклизма, несет самые масштабные абсолютные и высокие относительные миграционные потери населения на фоне мощной интенсивности миграционного вала. Весьма удручающе выглядят его миграционные тренды. По большинству миграционных параметров в их негативном проявлении данный кластер уступает лишь VII кластеру и лидирует среди всех кластеров по величине абсолютного сальдо миграции с отрицательным знаком, т.е. по объему миграционных потерь. Он имеет весьма высокие значения коэффициента миграционного оборота (55% против 65% в VII кластере), коэффициента выбытия (29%

против 34‰ в самом проблемном кластере – VII), т.е. население не удерживается и «голосует ногами» против жизненного обустройства в этом кластере, а также устрашающее по величине относительное сальдо миграции (–27‰ – это второе место среди семи кластеров – против –40‰ в VI). Что спасает данный кластер от полной миграционной катастрофы, переживаемой самым «худшим» VII кластером? Относительно высокий коэффициент прибытия населения, не намного уступающий соответствующему показателю I кластера (26‰ против 28‰ в I кластере). Судя по миграционной ситуации, VI кластер имеет мощные магниты, притягивающие население извне, однако удержать прибывших либо свое постоянное население, а возможно, тех и других, не в состоянии. Мы склонны считать, что здесь в первую очередь имеет место феномен «отходников», в челночном режиме курсирующих между родным домом и местами временных заработков «на стороне», где они не могут закрепиться и обустроиться.

Кластер включает 18 регионов (см. табл. 1) из 10 административно-географических районов страны (всего районов – 11), иными словами, имеет своих резидентов практически в каждом районе, кроме Северо-Западного. В него входят один город-миллионник – Волгоград, ранее дважды терявший этот статус (в 1999 и 2005 гг.), но сумевший вернуть его в 2010 г., и одну административную «столицу» – Хабаровск, центр Дальневосточного федерального округа. Половина регионов данного кластера либо целиком входят в перечень районов Крайнего Севера и приравненных к ним местностей, либо какой-то своей частью (отдельные города, административные образования). Бегство населения из этих регионов, как известно, обусловлено не только постперестроечной разрухой экономики страны, самым пагубным образом сказавшейся на данной группе регионов, но и крайне несовершенной, слабой системой льгот населению, проживающему и работающему в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях. Географическое и административное положение, экономический, демографический, социокультурный и этнический ландшафты регионов, входящих в этот кластер, весьма различны и порой даже диаметрально противоположны (в первую очередь это касается географического месторасположения, отраслевой структуры эко-

номики), однако всех их объединяет общая беда – масштабные потери населения.

VII кластер образует полюс миграционного бедствия и катастрофы: он имеет максимальные величины коэффициентов отрицательного сальдо миграции и миграционного оборота, т.е. худшие относительные показатели миграции. Напомним, что именно относительные показатели миграции дают представление о конечном эффекте (последствиях) миграционных процессов для конкретной территории. Данный кластер характеризуется максимально высокими среди всех кластеров коэффициентом миграционного оборота (65%), миграционными потерями населения (–40 чел.) и потерями населения в ходе миграционного обмена (–61 чел. в «сухом остатке» от всех перемещающихся). Иными словами, миграционный котел бурлит под воздействием потоков выбывающих и прибывающих (относительные коэффициенты и выбытия, и прибытия на 1000 чел. – 34 и 30% соответственно – не имеют аналогов ни в одном кластере), дестабилизируя социокультурную и экономическую среду, связи и отношения населения, и в конечном счете с беспрецедентной интенсивностью отдаст население из этих стратегически важных регионов России.

Кластер объединил 12 регионов (см. табл. 1). Примечательно, что семь из них являются национальными республиками (Адыгея, Калмыкия, Ингушетия, Кабардино-Балкария, Карачаево-Черкесия, Алтай, Тыва), два – автономными округами (Ненецкий и Чукотский; в последнем проживает 50,8 тыс. чел., плотность населения составляет 0,07 чел./кв. км). То есть 10 регионов из 12 представляют собой национальные образования. Почти все регионы, кроме Республики Адыгеи, являются окраинными и пограничными. Они окаймляют Россию почти сплошной линией (с небольшими разрывами) по всем ее южным, юго-восточным, восточным и северо-восточным рубежам, а Ненецкий АО – с севера-запада страны по береговой линии Белого моря. Причинами столь мрачной миграционной картины, какая наблюдается в этом кластере, выступают крайне неблагоприятные социально-экономические параметры развития этих территорий, традиционные, начавшиеся еще в царские времена, продолжавшиеся в сталинский период, эпоху «развитого социализма» и обострившиеся до кри-

тического состояния в период перестройки и строительства капитализма «с человеческим лицом» отсталость и запущенность.

* * *

В Концепции государственной миграционной политики мы не находим четкого ответа на возникающие вопросы. Каким образом, посредством какого механизма верховная власть России собирается обеспечить миграционный приток населения в районы Сибири и Дальнего Востока к 2026 г.? Какая судьба ждет регионы Крайнего Севера и приравненные к нему местности, расположенные на Урале и в европейской части страны, которые несут масштабные миграционные потери населения? Почему без внимания остаются территории миграционного катаклизма, входящие в VI и VII кластеры и расположенные не за Уралом, а в Европейской России?

Построенная на базе 10 показателей миграционная типология российских регионов представила собой достаточно отчетливую и полную драматизма (в силу губительного для страны «передела» населения между кластерами) пространственную карту семи миграционных кластеров, каждый из которых объединяет регионы, близкие по содержанию, природе, характеру переживаемых миграционных проблем, и одновременно обладает ярким, индивидуальным, неповторимым миграционным профилем.

Сконструированная семикластерная структурная композиция регионов, как уже говорилось, имеет в географическом пространстве пестрый, лоскутный характер, полна миграционных контрастов и диссонансов (ближайшие территориальные соседи могут демонстрировать альтернативные профили миграции и проч.). И все же само миграционное пространство в известном смысле «самоорганизовано» и структурировано по иерархическому принципу: вверху находится самый «благополучный» I кластер, мощно высасывающий население извне на фоне относительно «сдержанного» миграционного вала, ниже на ступеньках иерархической лестницы (строго по порядку) располагаются все менее и менее «благополучные» кластеры, так

что на самой нижней пребывает кластер «миграционного бедствия и катастрофы» (VII).

Американский ученый и государственный деятель, один из авторов Конституции 1787 г. Бенджамин Франклин высказал мысль: «Большая империя, как и большой пирог, легче всего объедается с краев». Увы, именно такой сценарий представляется наиболее вероятным для большей части российских регионов, окаймляющих Россию с юга, юго-востока, востока, северо-востока и северо-запада. К сожалению, Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации не явилась тем документом, который бы посеял крупицу оптимизма в отношении того, что в ближайшие 15 лет можно ожидать сколько-нибудь благоприятных перемен (не говоря уже о переломе) в весьма драматичной картине современного межрегионального перераспределения человеческого капитала России.

Литература

1. **Указ** Президента Российской Федерации от 22.06.2006 «Государственная программа по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом» // Собрание законодательства РФ. – 2006. – № 26. – Ст. 2820.
2. **Указ** Президента Российской Федерации от 13.06.2012 «Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года». – URL: www.kremlin.ru (дата обращения 20.06.2012).
3. **Распоряжение** Правительства Российской Федерации от 21.08.2012 № 1502-р «О плане мероприятий по реализации в 2012–2025 годах (первый этап) “Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года”» // Собрание законодательства РФ. – 2012. – № 35. – Ст. 4858.
4. **Зайончковская Ж.А.** Федеральные округа на миграционной карте России // Регион: экономика и социология. – 2012. – № 3. – С. 3–18.
5. **Arthur D., Vassilvitskii S.** «k-means++: the advantages of careful seeding» // Proceedings of the Eighteenth Annual ACM-SIAM Symposium on Discrete Algorithms / Society for Industrial and Applied Mathematics, Philadelphia, PA, USA. – 2007. – P. 1027–1035.

Рукопись статьи поступила в редколлегию 03.02.2014 г.

© Корель И.И., Корель Л.В., 2014